

Социальная основа олигархической системы в Украине

Аннотация

В статье рассматриваются социальные причины укоренения олигархической системы в Украине. Неприятие общественным мнением привлечения иностранного капитала и денежной формы приватизации государственных предприятий способствовало, с одной стороны, формированию национального капитала, с другой — торможению институциональных реформ, распространению коррупции и ручных методов перераспределения собственности. Негативное отношение населения к последствиям приватизации используется для получения олигархической ренты с прибыли государственных предприятий и моратория на продажу сельскохозяйственной земли. Социальное размежевание украинского общества и медленное обновление политического класса сохраняют политическую субъектность олигархов, несмотря на давление со стороны гражданских активистов в Украине и различных организаций стран Запада. Общественная неудовлетворенность существованием олигархов не актуализирует потребности во внедрении институциональных предохранителей влияния крупного бизнеса на политическую сферу. Ориентация социально-экономических отношений на получение ренты консервирует в обществе патерналистскую систему “арбитр–клиент”.

Ключевые слова: *крупные собственники, олигархи, олигархическая система, рентоориентированное общество*

Вступление

Обычно олигархическую систему определяют как управление малочисленной привилегированной группы, руководствующейся коррумпированными или эгоистическими целями. В частности, в Украине сформировались финансово-промышленные группы и крупные бизнес-группы, возник-

шие в пределах промышленных регионов и городов-мегаполисов и понимаемые как олигархии, ориентированные на поиск ренты и захват государства, подчинение государственной политики для воплощения собственных интересов за счет общества [Гаврилишин, 2007: с. 236–261]. В других случаях постсоветскую украинскую олигархию понимают как естественный продукт особых экономических, правовых и политических обстоятельств, который, несмотря на все его недостатки, стал залогом экономического возрождения Украины [Ослунд, 2005]. Однако А.Пасхавер предлагает более широкое определение этого феномена: “Украинский олигархат — это коррупционный союз лиц, обладающих дискреционной властью, с лицами, промышленными добычей монопольной коррупционной ренты во всех сферах человеческой деятельности, во всех точках социальной жизни. От служителей кладбища и домов инвалидов до высших органов власти. Дискреционная власть — возможность распределять, допускать, разрешать, лишать и т.п. Система таких союзов всех уровней вместе с клиентами втягивает в себя миллионы граждан. Конечно, эта система иерархична. Наиболее опасна верхушка, искажающая в своих интересах общегосударственные финансовые потоки. Но у верхушки сотни тысяч союзников, помощников, клиентов, сильных своей массовостью. Они определяют образ жизни граждан, создают социальную основу нашего “естественного государства” (по Нурту). Наши формальные институты служат оболочкой неформальных норм и отношений, обеспечивающих получение коррупционной ренты. Единство действий олигархического класса на всех уровнях обеспечивается не только вертикалью кнута и пряника, но и единством ценностей и интересов” [Пасхавер, 2016].

Несмотря на Революцию Достоинства, олигархическая система не только не потерпела поражение, но и имеет все перспективы для дальнейшего воспроизводства. Такую “живучесть” определенного социального явления связывают с экономическими и политическими причинами, которые все еще безусловно присутствуют. Однако следует обратить внимание на социальные аспекты воспроизводства олигархической системы. Учитывая то влияние, которое олигархи оказывают на общественно-политическую жизнь в Украине, можно предположить, что укоренение олигархической системы обусловлено социальными процессами, когда слабость государственных институтов и продажность политического класса, с одной стороны, и моральные установки и стереотипы экономического сознания населения, его противоречивые электоральные предпочтения — с другой, способствовали формированию специфического даже на постсоветском пространстве социального феномена. Цель предлагаемой статьи — анализ социальной почвы олигархической системы. Для этого проанализированы социальные истоки формирования крупного капитала в Украине, его политической субъектности, а также особенности массового сознания и общественного поведения в сфере политических и экономических отношений, благоприятных для олигархической системы.

Социальные истоки формирования крупного капитала в Украине

Определяющими в формировании субъектности крупных собственников в социально-экономических и политических трансформациях в Украине и превращении их в олигархов стали методы проведения приватизации крупных предприятий. Целью деятельности крупных собственников стали

не модернизация собственных, приватизируемых предприятий и инвестирование в новые технологии, а олигархическая рента с монополии, когда производство промышленной продукции становится выгодным за счет льготных цен на энергоносители и занижения заработной платы работникам. Именно в этом кроется причина отчаянного сопротивления олигархов конкурентной среде, поскольку конкуренция должна сразу же нивелировать их преимущества. Еще одним источником функционирования олигархической системы является олигархическая рента с прибыли государственных предприятий и грабительской аренды земельных паев украинских крестьян. В большинстве компаний, формально находящихся в государственной собственности (при государственном контроле не менее 51%), на основании владения даже мелкими долями акций отечественные олигархи истощают производственные и финансовые ресурсы, поскольку частный собственник не стремится нести ответственность за судьбу предприятия, которое ему полностью не принадлежит. Многолетний мораторий на продажу земли также является элементом олигархической системы. Легитимация частной собственности на землю в глазах общественности тормозится различными ограничениями в плане внедрения рыночных механизмов в земельной сфере [Україна, 2002: с. 569; Думки і погляди населення України, 2005; Українське суспільство, 2009: с. 540]. Монополизация и отсутствие рыночной стоимости земли в условиях конкуренции сдерживает экономический и финансовый потенциал значительной части сельского населения. По оценкам экспертов, ценой моратория на продажу земли являются почти \$50 млрд утраченных инвестиций [Амелін, 2017].

Согласно данным доклада “Deloitte Central Europe Top 500”, где проанализированы крупнейшие компании Центрально-Восточной Европы (в этот список вошли 29 украинских компаний), около 18 украинских компаний (62% от числа охваченных анализом) контролируются местным частным капиталом. Тогда как в остальных странах этот процент значительно ниже: в Польше — 29%, в Чехии — 21%, в Венгрии — 3%, в Румынии — 4%, в Словакии — 0%. Соответственно доля иностранного капитала в структуре собственности крупных компаний Украины значительно ниже, чем в остальных странах региона, и составляет всего 13%, тогда как в Польше — 52%, в Чехии — 65%, в Венгрии — 83%, в Словакии — 84%, в Румынии — 85% [Deloitte, 2016]. Ограничение доступа коммунистической номенклатуры к владению собственностью, открытость к внешним инвестициям и возможность участия иностранного капитала в приватизации в странах Центрально-Восточной Европы притормозили формирование национального крупного частного бизнеса. В Украине, напротив, отстранение иностранного капитала хоть и обусловило рождение национальной буржуазии, однако оно же и помешало проведению институциональных реформ, поспособствовав консервации ручных методов перераспределения собственности. Во второй половине 2000-х годов произошло более широкое привлечение иностранного капитала, но в подавляющем большинстве это был либо российский капитал, стратегически направляемый российским правительством для достижения дальнейших политических целей, либо скрываемый за иностранными офшорами украинский капитал. Российские инвесторы, в отличие от западных, быстро сориентировались в особенностях теневых и коррупционных технологий на постсоветском пространстве, имея за своими плечами

вдобавок энергичную поддержку со стороны государства. Впрочем, даже то небольшое количество украинских предприятий, которыми владеет иностранный капитал, демонстрирует большую эффективность, чем остальные. Особенно, если не учитывать офшорные источники, за которыми стоят украинские капиталисты или инвесторы из России [Brown, 2015].

Доминирование в общественном мнении населения Украины “трудового” варианта приватизации обусловило процессы разгосударствления путем аренды государственного имущества трудовым коллективом с правом его выкупа или непосредственно путем выкупа средних и крупных предприятий (так называемая рабочая, или малая приватизация). В результате предприятия фактически оказались сосредоточены в руках руководства. С экономической точки зрения рост конкуренции между участниками торгов ведет к повышению доходов от приватизации и привлекает наиболее эффективного собственника. При этом участие иностранцев в основном было неприемлемым, учитывая политические причины и “патриотические” настроения в обществе, когда получили распространение страхи, что иностранцы “все скупают”. Как свидетельствуют данные репрезентативного обследования, проведенного Министерством статистики (ныне — Государственная служба статистики Украины) в декабре 1991 года (опрошено 5,6 тыс. рабочих 400 предприятий), около 42% рабочих высказались в пользу сохранения государственной формы собственности для предприятия. Вместе с тем почти 44% рабочих поддерживали смену формы собственности, в частности: 41% — передачу предприятия в собственность трудового коллектива, 18% — создание СП с привлечением иностранного капитала, 14% — превращение в акционерное общество [Білоцерківець, 2001: с. 81]. В том же году общеукраинские опросы общественного мнения продемонстрировали, что только 10–12% поддерживали позицию “продать предприятие тем, кто больше заплатит, в том числе иностранным капиталистам”, тогда как почти половина населения считала, что нужно передать их в собственность работникам данных предприятий [Демченко, 1992: с. 69]. Аналогичные результаты были получены в конце 1990-х годов в разгар проведения массовой приватизации, когда идею продажи госпредприятий на аукционах поддерживали всего 10,7% населения [Приватизационные процессы, 1999: с. 100]. Поэтому неденежная и политическая по характеру приватизация приобрела “изоляционистские” черты в силу влияния общественного мнения, чем радостно воспользовался политический класс, прикрываясь заботой о народе. Это позволило аккумулировать ресурсы для дальнейшего овладения крупнейшими предприятиями и направило ход приватизации в сторону концентрации собственности в руках нескольких крупных отечественных бизнес-групп. Приватизация стратегических предприятий реально началась тогда, когда региональные бизнес-группы уже накопили необходимые инвестиционные ресурсы для приобретения права собственности на контролируемые активы.

Изучение общественного отношения к результатам приватизации государственных предприятий и земли дали основания констатировать, что украинское общество сомневалось в легитимности частной собственности на крупные предприятия [Резнік, 2010, с. 462–465]. Причиной этого стала нечестная и несправедливая, по мнению населения, приватизация промышленности, породившая олигархическую систему и коррупционную экономику. На начальной стадии собственники частных компаний способствова-

ли восстановлению технологических и кооперационных связей между производственными единицами, рационализации движения ресурсов, снижению затрат и т.п. Монополизация важнейших сфер экономики сделала крупных собственников основными налогоплательщиками, что стало безотказным рычагом влияния на деловую и политическую жизнь страны. Тот факт, что через офшоры они вывозили отечественную продукцию по низким ценам и продавали за границей по высоким ценам, переводя маржу за границу, рядовые граждане не принимали во внимание. Напротив, крупные собственники активно реализовывали свою субъектность в социально-гуманитарной сфере Украины, прибегая к поддержке популярных видов спорта, реставрации культурных памятников, а также к системной благотворительности через специализированные фонды. Освещение благотворительной деятельности и идеологическое обеспечение легитимации связанной с ней собственности осуществлялось при помощи принадлежащих им СМИ.

Политическая субъектность олигархов после Евромайдана

Отсутствие институциональных форм взаимоотношений бизнеса и власти, которые существуют в развитых странах, способствовало формированию олигархического типа согласования интересов. Небольшая группа крупных бизнесменов, ориентированных на индивидуалистические стратегии и узкокорпоративные интересы, получила прямые выходы к сердцевине политической системы. Такой тип отношений не требовал ни корпоративных форм самоорганизации, ни создания “партии интересов”. Власть, к которой эта группа получила постоянный доступ, становится для нее одновременно и “партией”, и “корпорацией”. Ей нужна стабильность в виде консервации текущей ситуации — и как возможность сохранить свои привилегированные позиции в системе власти, и как средство недопущения новых экономических потрясений и политических катастроф [Жаліло, 1999: с. 41].

Сформировавшаяся в Украине неформальная система взаимоотношений собственников крупного капитала и власти держалась на контроле со стороны крупного капитала партийной системы путем финансирования властных и оппозиционных политических проектов, а на определенных этапах — и на непосредственном вовлечении в правительственные структуры, при помощи которых они формируют государственные институты в соответствии со своими экономическими интересами. Такая картина роли и места крупных собственников не в последнюю очередь была связана со спецификой восприятия их обществом. Исследование отношения населения Украины к частным собственникам крупных предприятий выявило, что лишь для пятой части взрослого населения Украины образ собственников крупного капитала наделен негативными чертами [Резнік, 2007; Рахманов, 2011]. Это явно не совпадает с традиционным убеждением о распространенности негативного восприятия того слоя, который стал основой олигархической системы.

Одним из факторов формирования политической субъектности собственников крупного капитала является общественно-политическое размежевание украинского общества, когда различные геополитические и этнокультурные ориентации граждан удачно эксплуатировались крупными со-

бственниками, оставляя их главными арбитрами в случае очередного политического обострения. Отношение населения к олигархам в основном определялось логикой политического позиционирования. Акцентирование геополитической, этнокультурной и языковой принадлежности украинцев и разделение их на разные политические лагеря по этим признакам позволяло отвлекать внимание общества от вопросов социальной справедливости, нечестной приватизации и ее последствий.

Рост антирыночных настроений не привел к артикуляции и росту популярности левых политических сил. К тому же левые, несмотря на традиционные предвыборные лозунги насчет проведения национализации крупного капитала, в целом признали наличие частной собственности и крупных собственников. В частности, Коммунистическая партия Украины и Социалистическая партия Украины неоднократно вступали в коалицию с Партией регионов Украины, которая отражала интересы крупных собственников, и создавали правительство, которое вовсе не собиралось возвращать приватизированную собственность. Критику коммунистов вызывали преимущественно факты интеграции украинского капитала с западным либо проникновение западного капитала в Украину, тогда как засилье российского капитала возражений не вызывало.

Процесс олигархизации властной системы достиг пика с приходом к власти В.Януковича. Крупный бизнес в Украине не был заинтересован в процессах интеграции своей страны как с Западом, так и с Востоком. Впрочем, все большая узурпация власти и дальнейшие посягательства на активы олигархов заставляли их искать защиту в возможной интеграции Украины с правовыми институтами ЕС. За исключением немногих представителей крупного капитала, большинство капиталистов заняли нейтральную позицию или осторожно поддержали Евромайдан, надеясь на восстановление олигархического консенсуса времен президентства В.Ющенко. Собственно поэтому сразу после свержения режима В.Януковича была немедленно восстановлена парламентско-президентская республика. Под влиянием молниеносной аннексии Крыма со стороны России, что обернулось для украинского крупного капитала полной или частичной потерей своих активов, новая временная власть предложила возглавить проблемные регионы олигархам. Эти шаги позволили удержать ситуацию и предотвратить в большинстве областей (кроме Донбасса) проявления сепаратизма и дестабилизации. На подобных основаниях была, в частности, профинансирована начальная фаза антитеррористической операции и создание добровольческих батальонов. Решительные шаги некоторых олигархов на фоне разворачивания конфликта на Донбассе способствовали определенной стабилизации и помешали распространению конфликта за границы двух восточных областей.

Все это получило отражение в общественном мнении населения: если сразу после Евромайдана доминировала идея тотальной национализации крупных предприятий, то в разгар конфликта на Донбассе общество склонялось к избирательным действиям в этой сфере. Об этом свидетельствуют результаты опросов, проведенных в апреле и в июле 2014 года социологической группой “Рейтинг”, когда наблюдалась трехмесячная динамика ответов на вопрос “Что нужно делать государству с крупными предприятиями, принадлежащими олигархам?”. Так, стало меньше сторонников национализации всех крупных предприятий (с 44% до 36%) и больше тех, кто поддерживает

проведение объективного расследования и возврат государству только незаконно полученных предприятий (с 36% до 45%) [Відносини, 2014].

Аннексия Крыма и дальнейшая война на Донбассе не позволили гражданским активистам, несмотря на их популярность, капитализировать свой авторитет в обретение власти. Население проголосовало в 2014 году за представителя крупного капитала П.Порошенко на президентских выборах и за политические проекты, которые частично или полностью были аффилированы с крупным капиталом, на парламентских выборах. Особенно это было заметно по результатам в мажоритарных округах. Несмотря на позитивные сдвиги в поддержке демократии, наблюдавшиеся в последние годы, не следует забывать о склонности населения к популизму и авторитаристским рычагам в политической жизни. Даже после Евромайдана около двух третей взрослого населения соглашались с утверждением “несколько сильных руководителей могут сделать для нашей страны больше, чем все законы и дискуссии” и лишь пятая часть респондентов не согласна с этим [Українське суспільство, 2014: с. 217]. К тому же, несмотря на формирование слоя гражданских активистов, подавляющее большинство населения все еще политически пассивно и неспособно к коллективным действиям.

Потребность в реальном отделении бизнеса от власти находит отнюдь не много сторонников в обществе. В массовом сознании пока нет понимания того, что преобладающее финансирование политических партий со стороны олигархов оборачивается настоящей проблемой. Согласно данным репрезентативного исследования фонда “Демократические инициативы им. И.Кучерива” и Центра им. А.Разумкова, которое проводилось с 14 по 22 ноября 2015 года, 76,2% опрошенных высказались против финансирования политических партий из государственного бюджета и только 14,9% — за. Отвечая на вопрос “Кто, по Вашему мнению, должен финансировать деятельность партий?”, 39,9% респондентов назвали лидеров партий, 39,5% — рядовых членов партии, 31,1% — сторонников партии, 14,1% — бизнесменов, 13% — государство. В то же время всего 13,1% опрошенных готовы выделять деньги на какую-либо политическую партию, если будут уверены, что она защищает их интересы [Ставлення українців, 2015]. То есть отсутствие понимания причинно-следственных связей между факторами политической коррупции и путями ее преодоления свидетельствует не только об отсутствии политической культуры в обществе, но и о неразвитости коллективных форм отстаивания своих интересов.

Однако в отличие от предыдущих этапов, когда, по сути, главными политическими субъектами были представители крупного капитала и политического класса, к социально-политическим процессам добавились еще два политических субъекта — гражданские активисты (в частности, члены военизированных групп) и страны Запада. Давление Запада заключалось как во влиянии на государственные решения для подталкивания к реформам и борьбе с коррупцией, так и в ограничении посягательств представителей олигархата. Влияние, с одной стороны, стран Запада, финансы которых стали критически необходимыми для сохранения государственных институтов, а с другой — гражданских активистов, озабоченных проведением реформ, несколько снизило действие коррупционного фактора в определенных секторах экономики. Политическая и негосударственная деятельность активистов содействовала тому, что ряд реформ газовой отрасли и банков-

ского сектора, введение системы государственных закупок “ProZoggo”, внедрение электронных деклараций, создание новых антикоррупционных органов позволили устранить ряд источников коррупционных доходов в олигархической системе. А рост количества политических игроков помешал крупному капиталу слишком сильно консолидироваться, поэтому его представители вынуждены наперегонки вступать в ситуативные альянсы с президентской и премьерской ветвями власти, а также временно привлекать в круг своих союзников гражданский сектор во внутриклассовой борьбе.

После Евромайдана население четче сосредоточило свои критические взгляды на роли олигархов в общественной жизни. Так, по данным мониторингового исследования Института социологии НАН Украины за 2015 год, 44,6% опрошенных, отвечая на вопрос “Как Вы считаете, кто из упомянутых ниже играет значительную роль в жизни украинского общества?”, отводят такую роль олигархам. Одновременно другие социальные группы в массовом сознании оказались менее влиятельными: рабочие — 34,6%, предприниматели, бизнесмены — 33,3%, лидеры политических партий — 27,2%, крестьяне — 25,4%, военные — 25,2%, журналисты, сотрудники СМИ — 24,6%, интеллигенция — 24,1%, мафия, преступный мир — 22,3% и т.п. [Парашевін, 2017: с. 620]. С другой стороны, по данным исследования Фонда “Демократические инициативы им. И.Кучерива”, население четко понимает источник сегодняшнего социально-экономического кризиса: после коррумпированности власти и расхищения власть имущими государственных средств на втором месте (в 2015 году — 54,4% респондентов; в 2016 году — 58,1% респондентов) среди причин неважко называют “олигархизацию экономики, присвоение олигархами прибылей и вывоз средств за границу”. Более того, по мнению граждан, наибольшее сопротивление проведению реформ оказывают именно олигархи: в 2015 году так считали 51,5% респондентов; в 2016 году — 54,9% [Реформи в Україні, 2016]. Подобное распределение мнений общественности касательно олигархов зафиксировано в исследованиях Института социологии НАН Украины. Отвечая на вопрос “Что мешает власти реализовать реформы?”, в 2015 году 58,5% респондентов отметили “нежелание олигархов отказываться от сверхприбылей”. Эта причина была второй по частоте, поскольку на первое место респонденты поставили коррупцию (68,6%). А вот в 2016 году позиция “нежелание олигархов отказываться от сверхприбылей” по частоте упоминаний существенно хотя и не увеличилась (60,2%), все же вышла на первое место, поскольку коррупция “набрала” меньше, чем в предыдущем году — 58,6% [Парашевін, 2016: с. 530].

Отсутствие электората аннексированного Крыма и нестабильность на Донбассе не позволяют олигархам в полной мере эксплуатировать традиционное общественно-политическое размежевание украинского социума. Защита своих активов и доступ к бюджетным средствам — это скорее тактические задачи, а не продуманная стратегия реванша. Выжидательная тактика дает определенные электоральные дивиденды на фоне роста неудовлетворенности населения, однако формирование какого-либо альтернативного действующей власти идеологического продукта тормозится из-за отсутствия идей. Годами эксплуатируемые пророссийские лозунги опасны из-за угрозы мгновенных санкций со стороны власти и националистически настроенных активистов.

Рентоориентированное общество как основа олигархической системы

Классики социологии указывали, что в процессе общественной модернизации отношения вертикального характера (“патрон–клиент”), распространенные в традиционном обществе, постепенно замещаются договорными отношениями горизонтального характера. Это происходило преимущественно в городах, где рыночная экономика приобретает более широкое развитие: интенсификация межгруппового взаимодействия ослабляла конформистское давление на индивида его первичной социальной группы. Впрочем, постсоветское общество, несмотря на промышленную модернизацию советских времен, не прошло важный этап общественной модернизации. Внедрение рыночных институтов столкнулось с препятствиями пресловутой “колеи зависимости”, когда латентные традиционные институты органично “вплелись” в сформировавшуюся постсоветскую олигархическую систему.

Демонстрация “роскошных” стилей жизни со стороны крупных собственников в Украине стала для них инструментом расширения границ своей социальной субъектности путем распространения идей массового потребления, когда, согласно существующим в украинском обществе социальным нормам, преимущественным средством достижения жизненного успеха служат деньги и богатство. Собственно поэтому антирыночные ценности часто “мирно сосуществовали” с частнособственническими притязаниями самого населения. По результатам мониторингового исследования Института социологии НАН Украины за 2004 год, в ответ на вопрос “Что из перечисленного Вы хотели бы иметь в собственности?” 29,3% взрослого населения назвали землю, 28,6% — малое предприятие, 9,6% — среднее или крупное предприятие, тогда как 27,4% респондентов заявили, что ничего из перечисленного не хотели бы иметь, а 17,3% затруднились ответить [Резнік, 2006: с. 87].

Все это воплотилось в формировании рентоориентированного общества. Рентоориентированное общество определяется как двухсекторная модель экономики, в которой в условиях неукорененности и слабости прав частной собственности сектор поиска ренты превалирует над сектором, создающим добавленную стоимость. Рентоориентированное общество базируется на патерналистской модели “арбитр–клиенты”. Арбитр действует как администратор, обладающий источниками ренты и предоставляющий доступ искателям ренты (клиентам) за определенные выгоды. Такие структуры образуют вертикальную иерархию, когда арбитр на высшем уровне координирует поиски ренты на своем уровне, арбитры низшего уровня играют роль его клиентов вместе со своими искателями ренты. В рентоориентированном обществе люди склонны рассматривать рыночные операции как своего рода игру с нулевым результатом. Подобное видение делает невозможным различение экономической прибыли, связанной с повышением производительности, и ренты. В рентоориентированном обществе люди не видят преимуществ в рыночной координации, в отличие от координации, осуществляемой правителем. Они ожидают роста собственного благосостояния от принудительного повторного перераспределения части ренты в свою пользу благодаря лояльности к правителю [Дубровський, 2010]. Вовлечение населения Украины в поиск ренты отразилось на его экономиче-

ских ориентациях, когда внерыночные интересы не способствуют легитимности частной собственности и подпитывают существование олигархической системы, даже в условиях ощутимых политических сдвигов. Благоприятным фоном функционирования олигархической системы является доминирование в обществе недоверия — как межличностного, так и к общественным институтам, когда социальные интересы индивида сужаются до сугубо собственных и своего семейного круга [Общество без доверия, 2014]. Это, безусловно, блокирует опасные для рентоориентированного общества коллективные действия и межличностное сотрудничество.

Рентоориентированные общества склонны к вертикализации систем управления, вследствие чего экономические ресурсы оказываются в руках узкой группы людей, которые ими распоряжаются и как олигархи, и как государственный аппарат — контролируя их использование и налоговую политику. Стабильность олигархической системы также подпитывается существованием коррупционной бюрократии. За годы независимости отбор чиновников происходил по принципу не профессионализма, а лояльности в отношении коррупционных механизмов принятия политических решений. Такие люди с начала карьеры вовлечены в рентоориентированные отношения “арбитр—клиент”, а значит объективно заинтересованы в сохранении и воспроизводстве олигархической системы, поскольку за ее рамками они не конкурентоспособны. В отличие от распространенной на Западе легальной практики лоббирования, коррупция в рентоориентированном обществе является процессом индивидуальным и глубоко скрытым, поскольку индивид, прибегая к коррупционным действиям, ощущает некую эксклюзивность благодаря собственной ловкости. Коррупция выгодна для олигархической системы, поскольку неструктурированность общества и девальвация коллективных форм взаимодействия не позволяют разорвать порочный круг отношений “арбитр—клиент”. Олигархическая система более сильна тогда, когда к арбитрам приходит большое количество людей в качестве индивидуальных просителей. Вследствие таких коррупционных взаимодействий уменьшается количество тех, кто готов оказывать коллективное давление. Все это сформировало феномен “аморального большинства”, когда украинцы признают большинство сограждан аморальными [Головах, 2002].

В обществе, где господствуют не горизонтальные, а вертикальные связи, определяющей является административная рента экономической активности. Это касается и предпринимательства, целью которого в первичном смысле служит инновационная рента. В сознании рентоориентированного населения любая экономическая активность традиционно рассматривается не как приумножение всеобщего блага, а как перераспределение богатства в свою пользу. Как свидетельствуют результаты опросов в 45 странах мира (в том числе в Украине) касательно отношения к разным аспектам предпринимательства, четко прослеживается тенденция, когда в развитых странах “независимость” и “самореализацию” расценивают как наиболее привлекательные аспекты предпринимательства, тогда как в большинстве постсоциалистических стран основным преимуществом создания собственного бизнеса остается дополнительный доход. В частности, если взять гипотетические причины, которые смогут побуждать украинцев начать собственный бизнес, то 34% опрошенных назвали перспективу дополнительного дохода, 21% — самореализацию, возможность реализовать собственную идею, 16% — независимость

от работодателя, когда ты сам себе босс, 14% — возвращение на рынок труда, альтернативу безработице, и только 9% отметили лучшую совместимость семьи, досуга и собственного дела [Amway Global Entrepreneurship Report, 2016]. Собственно, данные о высоком уровне предпринимательских притязаний украинцев не должны вводить нас в обман, поскольку они связаны преимущественно с юношескими мечтами — с возрастом желание открыть собственное дело существенно уменьшается [Рахманов, 2016].

Надежды на то, что вовлечение большого количества населения в частный сектор определенным образом изменит сознание и трудовую этику людей, также не слишком оправдались. Хотя и существуют определенные отличия между вовлеченными в частный и государственный секторы, все равно работники предприятий, ставших собственностью отечественных капиталистов, воспроизводят практики патернализма и лояльности, которые существовали в советское время. Одним из примеров этого является отличие политического сознания работников предприятий с иностранным капиталом от работников предприятий остальных форм собственности (см. табл.). Исследование свидетельствует, что отечественные предприятия (как государственные, так и частные) продолжают воспроизводить патерналистские отношения между администрацией и работниками. Доминирование неформальных связей и норм над принципами формально-правовой организации труда формирует у рабочих ощущение лояльности к администрации предприятия.

Таблица

**Ответы рабочих Украины на вопрос
“С кем Вы готовы объединяться в отстаивании своих интересов и
прав?” в зависимости от формы собственности предприятия**

Объекты солидаризации	Форма собственности предприятия				Всего
	Частная	Частная (иностран- ный капитал)	Государ- ственная/ комму- нальная	Сме- шанная	
С рабочими своего предприятия	45,4	65,6	50,1	48,7	48,8
С рабочими других предприятий	17,2	33,5	28,4	25,1	22,5
С инженерно-техническими работниками своего предприятия	10,7	29,5	17,6	8,9	14,3
С безработными	8,9	9,3	12,2	11,0	10,3
С сельскохозяйственными рабочими (крестьянами)	7,8	15,0	9,5	5,2	8,7
Со студентами	6,3	7,9	11,0	4,7	7,3
С мелкими частными предпринимателями	6,7	5,7	4,9	1,6	5,5
Трудно ответить	44,6	24,2	41,6	44,0	41,6

Источник: [Рахманов, 2015b: с. 105].

В то же время работа на предприятиях с западным иностранным капиталом нивелирует патерналистские ожидания, поскольку эти предприятия считаются “чужими”. Это разрушает конформистские иллюзии и способст-

вует активистскому политическому сознанию, что воплощается в готовности объединяться с другими социальными группами в борьбе за свои интересы, применении новейших и более эффективных форм давления и демонстрации наибольшей готовности участвовать в протестных акциях [Рахманов, 2015а].

Таким образом, при всем негативизме в отношении к олигархам общество пропитано рентоориентированными практиками, если неформальные институты доминируют над формальными. Даже стресс, через который проходит Украина, не в состоянии сломать логику повседневной рутины жизнедеятельности большинства граждан. Возможно, формирование совершенно новых секторов экономики с внешне привнесённым менеджментом способно существенно изменить трудовой этос населения и направить его притязания не только на поиск ренты.

Выводы

Олигархическая система взаимоотношений власти и капитала способствовала тому, что экономические трансформации в Украине создали ситуацию, когда на роль социальной основы общества смог претендовать лишь немногочисленный слой крупных частных собственников — единственный, получивший выгоду от этих превращений. С другой стороны, доминирование в экономике и весомое влияние на политическую сферу сделали в глазах общества этот слой ответственным за дальнейшее развитие Украины.

Технология первичного накопления капитала в Украине не в последнюю очередь была задана склонностью украинского общества к “изоляционистским” стереотипам, а именно неприятием общественным мнением денежной формы приватизации и привлечения иностранного капитала. Это стало одной из причин того, что масштабная приватизация сформировала огромный национальный капитал. Несмотря на преобладание антирыночных и патерналистских стереотипов, дезинтегрированность и общественное недоверие в обществе, неготовность населения к личной ответственности и инициативе привели к утверждению рентоориентированного общества, когда экономическая активность обусловлена скорее логикой неперемногого вхождения в систему распределения доходов от эксплуатации ресурсов, нежели целями получения выгоды от эффективности на рынке труда. Только появление экономической мотивации у трудоспособного населения будет способствовать осознанию преимуществ политической конкуренции.

Плюрализация политической жизни несколько снизила влияние крупных собственников на властные решения, однако отсутствие коллективных форм участия в политической жизни оставляет олигархату возможность влиять на политические институты путем финансирования популистских проектов. В случае прихода к власти популистских сил политическая субъектность крупного капитала сразу же возрастет. Этого можно достичь путем упразднения института президентства и введения парламентской республики. В этих условиях олигархический консенсус будет основываться на политике внешнеполитической многовекторности. Дезинтегрированность украинского общества должна привести к ситуации, когда на роль социальной основы общества вновь сможет претендовать лишь немногочисленный слой населения. Тем не менее в случае успешной интеграции Украины в ев-

ропейские институты возможен постепенный отход от олигархической модели экономики, поскольку этот вектор интеграции предполагает либерализацию экономики и усиление влияния среднего и малого бизнеса. Введение корпоративного управления ограничит субъектность капиталистов до статуса акционеров-рантье. Главной их задачей будет сохранение и передача по наследству активов путем их легитимации. Для этого нужна плюрализация ветвей власти, особенно укрепление независимой судебной системы, усиление гражданского общества и поддержка негосударственного сектора.

Источники

Амелін А. Ціна мораторію на землю — \$50 млрд втрачених інвестицій [Електронний ресурс] / А. Амелін, О. Хоменко // Сайт “Хвиля”. — 19.05.2017. — Режим доступу : <http://hvylya.net/analytics/economics/tsina-moratoriyu-na-zemlyu-50-mlrd-vtrachenih-investitsiy.html>.

Білоцерківець О. Приватизація в Україні: вибір моделі, структура і наслідки процесів / О. Білоцерківець, О. Кошик // Українська приватизація: плюси і мінуси / [Головаха Є.І., Дубровський В.І., Кошик О.М., Білоцерківець О.Г.]; за ред. О.Й. Пасхавера. — К.: Альтерпрес, 2001. — С. 58–113.

Відносини держави і бізнесу [Електронний ресурс] : Прес-реліз Соціологічної групи “Рейтинг”. — 2014. — Липень. — Режим доступу : <http://ratinggroup.com.ua/products/politic/data/entry/14100/>.

Гаврилишин О. Капіталізм для всіх чи капіталізм для обраних? Розбіжні шляхи посткомуністичних перетворень / О. Гаврилишин ; пер. з англ. — К.: Києво-Могилянська академія, 2007. — 384 с.

Головаха Є. Феномен “аморальної більшості” в українському суспільстві: пострадянська трансформація масових уявлень про норми соціальної поведінки / Є. Головаха // Україна — 2002: моніторинг соціальних змін / за ред. В. Ворони, М. Шульги. — К.: Ін-т соціології НАН України, 2002. — С. 460–468.

Демченко И.Л. Приватизация малая — проблемы большие / И.Л. Демченко // Философская и социологическая мысль. — 1992. — № 10. — С. 67–75.

Дубровський В. Рушійні сили небажаних реформ: уроки українського перехідного періоду / [В. Дубровський, Я. Ширмер, В. Грейвс-Третій, Є. Головаха, О. Гарань, Р. Павленко] // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. — 2010. — № 1. — С. 56–72.

Думки і погляди населення України [Електронний ресурс]. — 2005. — Квітень. — Режим доступу : <http://www.kiis.com.ua/txt/doc/press05052005.html>.

Жаліло Я. А. Корпоративні інтереси і вибір стратегічних пріоритетів економічної політики / Я.А. Жаліло, В.С. Лупацій, А.Ю. Сменковський. — К.: НІСД, 1999. — 60 с.

Общество без доверия / под ред. Е. Головахи, Н. Костенко, С. Макеева. — К.: Ін-т соціології НАН України, 2014. — 338 с.

Ослунд А. Сравнительная олигархия: Россия, Украина и США / А. Ослунд // Отечественные записки. — 2005. — № 1. — С. 49–73.

Паращевін М. Результати національних щорічних моніторингових опитувань 1992–2016 рр. / М. Паращевін // Українське суспільство: моніторинг соціальних змін ; вип. 3 (17). — К.: Ін-т соціології НАН України, 2016. — С. 426–546.

Паращевін М. Результати національних щорічних моніторингових опитувань 1992–2015 рр. / М. Паращевін // Українське суспільство: моніторинг соціальних змін ; вип. 2 (16). — К.: Ін-т соціології НАН України, 2015. — С. 525–652.

Пасхавер О. Море хвилюється [Електронний ресурс] / О. Пасхавер // Дзеркало тижня. Україна. — 2016. — № 13, 8–15 квітня. — Режим доступу : <https://gazeta.dt.ua/internal/more-hvilyuyetsya-.html>.

Приватизационные процессы в Украине : материалы круглого стола, 21 апреля 1999 г. — К. : Ин-т социологии НАН Украины, 1999. — 118 с.

Рахманов О. Економічні чинники солідарності, колективних дій та конформізму в робітничому середовищі України / О. Рахманов // Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка. — 2015а. — Вип. 6. — С. 49–54. — (Серія : Соціологія).

Рахманов О. Образ власників великого капіталу в масовій свідомості громадян України / О. Рахманов // Соціальні виміри суспільства ; вип. 3 (14). — К. : Ін-т соціології НАН України, 2011. — С. 247–258.

Рахманов О. Підприємницькі амбіції українців: соціально-демографічні особливості / О. Рахманов // Українське суспільство: моніторинг соціальних змін ; вип. 3 (17). — К. : Ін-т соціології НАН України, 2016.

Рахманов О.А. Солідарність в робітничому середовищі України: вплив соціально-економічних чинників / О.А. Рахманов // Проблеми розвитку соціологічної теорії: Теорії солідарності та конфлікту в поясненні сучасних суспільних процесів : XII Всеукр. наук.-практ. конф., 21–22 трав. 2015 р. : матеріали конф. — К. : 2015b. — С. 102–106.

Резнік В. Приватизація в Україні як соціально-економічний процес: об'єктивні показники та суб'єктивні оцінки / В. Резнік // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. — 2006. — № 2. — С. 66–89.

Резнік В. Приватні власники чинників виробництва: стан соціальної легітимності / В. Резнік // Українське суспільство 1992–2007. Динаміка соціальних змін / за ред. В. Ворони, М. Шульги. — К. : Ін-т соціології НАН України, 2007. — С. 212–219.

Резнік В.С. Легітимізація приватної власності як концепт соціологічної теорії / Резнік В.С. — К. : Ін-т соціології НАН України, 2010. — 512 с.

Реформи в Україні: громадська думка населення [Електронний ресурс] : Прес-реліз Фонду “Демократичні ініціативи”. — 11.07.2016. — Режим доступу : <http://dif.org.ua/article/reformi-v-ukraini-gromadska-dumka-naseleण्या>.

Ставлення українців до політичних партій і джерел їх фінансування [Електронний ресурс] : Прес-реліз Фонду “Демократичні ініціативи” — 21.12.2015. — Режим доступу : <http://dif.org.ua/article/stavlennya-ukraintsiv-do-politichnikh-partiy-i-dzherel-ikh-finansuvannya>.

Україна — 2002. Моніторинг соціальних змін / за ред. В. Ворони, М. Шульги. — К. : Ін-т соціології НАН України, 2002. — 668 с.

Українське суспільство 1992–2009. Динаміка соціальних змін / за ред. В. Ворони, М. Шульги. — К. : Ін-т соціології НАН України, 2009. — 560 с.

Українське суспільство: динаміка соціальних змін ; вип. 1 (15) : у 2 т. Т. 2 : Таблиці і графіки. — К. : Ін-т соціології НАН України, 2014. — 412 с.

Amway Global Entrepreneurship Report. — 2016. — Mode of acces : http://globalnewsassets.amway.com/501484/ager_2016_publication.pdf?r=1600.

Brown J.D. Is Privatization Working in Ukraine? New Estimates from Comprehensive Manufacturing Firm Data, 1989–2013 (August 7, 2015) / Brown J.D., Earle J.S., Shpak S., Vakhitov V. — Mode of acces : <https://ssrn.com/abstract=2641200> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2641200>.

Deloitte Central Europe Top 500. The 2016 edition [Electronic resource]. — Mode of acces : <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/hu/Documents/about-deloitte/HU-CETop-500-finalreport-2016.pdf>.